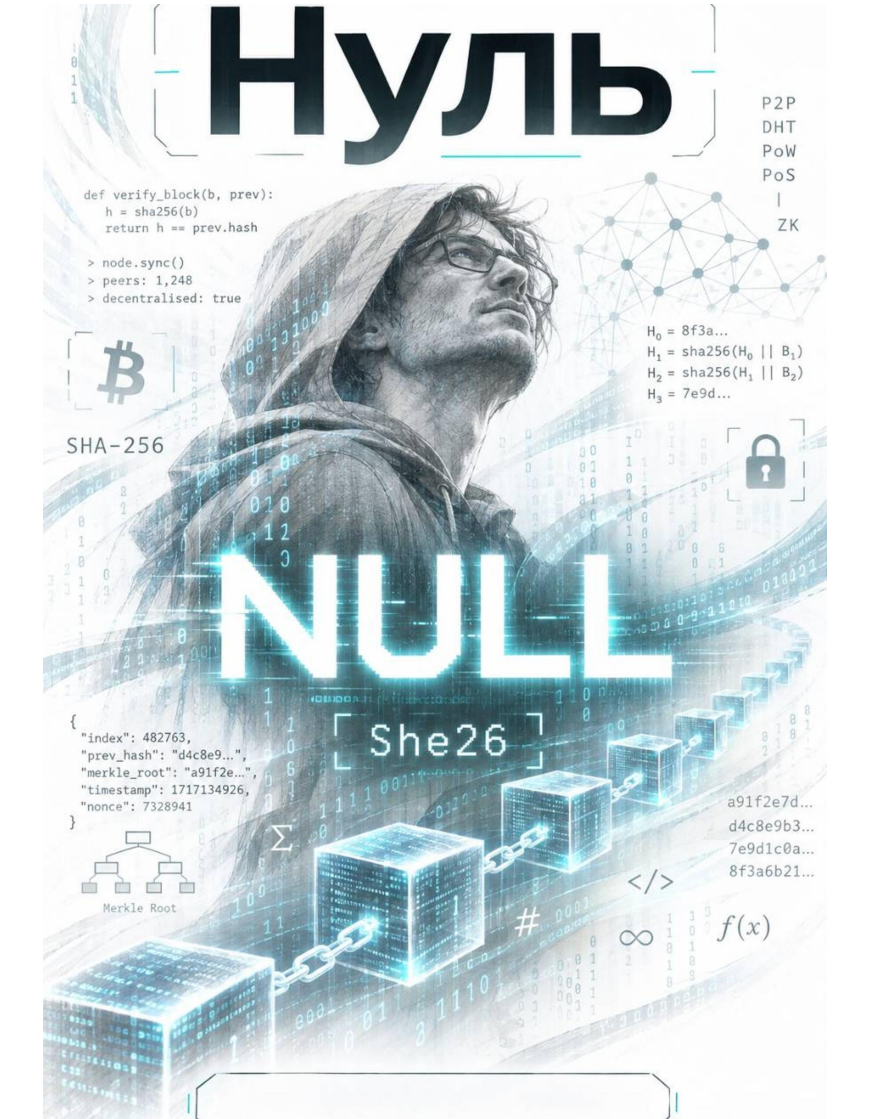

Нуль
P2P
DHT
PoW
PoS
|
ZK
def verify_block(b, prev):
h = sha256(b)
return h == prev.hash
> node.sync()
> peers: 1,248
> decentralised: true
H0 = 8f3a...
H1 = sha256(H0 || B1)
H2 = sha256(H1 || B2)
H3 = 7e9d...
SHA-256
NULL
She26
{
"index": 482763,
"prev_hash": "d4c8e9...",
"merkle_root": "a91f2e...",
"timestamp": 1717134926,
"nonce": 7328941
}
Merkle Root
a91f2e7d...
d4c8e9b3...
7e9d1c0a...
8f3a6b21...
f(x)

SHE26 SHE26
Нуль

https://litres.ru/74728368
SelfPub; 2026

Аннотация

Марк — гениальный математик и выпускник MIT, чья карьера разрушена, а революционная научная гипотеза признана провальной. Оказавшись на грани нищеты, он устраивается ночным стажером в Neuralink, чтобы следить за стабильностью миллионов нейроимплантов спящих американцев. Но когда Марк узнает, что его маленькой соседке требуется недостижимая операция стоимостью в два миллиона долларов, он решает использовать систему.

Под псевдонимом NULL он принимает заказ на расчет сложнейшего прогноза, который не под силу даже квантовым процессорам корпораций.

Содержание

Глава 1 Офер 4
Конец ознакомительного фрагмента. 12

SHE26
Нуль

Глава 1 Офер

Собеседование должно было пройти в том самом здании «Колоссус Ван» на Риверпорт-роуд. Лаунж-зона, где Марка попросили подождать, дышала минимализмом: простые пластиковые стулья на металлическом каркасе, деревянный журнальный столик, заваленный буклетами.

На шлифованном бетонном полу еще виднелись следы разметки завода «Электролюкс», который находился здесь до того, как xAI выкупила площади под свой суперкомпьютер. Потолка не было — где-то высоко чернели металлические перекрытия балок. За спиной высилась перегородка из матового стекла.

На стене висела большая плазменная панель, где корпоративная реклама перемежалась с социальной. Десятилетней Майе требовалось вылечить сердце. Два миллиона долларов.

«Могли бы и оплатить», — подумал Марк. Лицо этой девочки показалось ему знакомым.

Неожиданно рядом появилась высокая девушка. На ее лбу виднелась точка импланта. «Бронзовый уровень», — автоматически отметил Марк. Точка мигнула.

— Марк? Тридцать восемь лет, MIT, магистр математики, не женат, — она смотрела на него, сверяясь с данными в своей системе. — Все верно?

— Да, это я, — Марк оставил бумажный стаканчик с недопитым кофе на столике, поднялся и пожал протянутую руку.

Глядя на девушку, он почувствовал легкую неловкость за свое растянутое худи с полустертым гербом Массачусетского технологического института, простые синие «Ливайсы» с распродажи и сильно заношенные, но любимые черные «Конверсы» с белыми шнурками.

На ней же была свободная футболка угольно-черного цвета, брюки-карго из темного денима и массивные полуботинки на тракторной подошве. Поверх футболки была накинута графитовая жилетка со множеством молний и карманов, а на запястье красовались часы «Гармин» в массивном противоударном корпусе.

— Я Эмбер Кларк, ваш HR. Пойдемте, — она, не дожидаясь ответа, повернулась к матовой перегородке, приложила к замку магнитную карту и придержала открывшуюся дверь, приглашая Марка войти.

Марк шагнул и на секунду замер. Минимализм лаунж-зоны сменился чистым индустриальным хаосом гигантского опенспейса, уходящего вглубь здания на сотни метров. Пространство за перегородкой напоминало внутренности футуристического улья.

Все пространство вокруг центра зала было заполнено бес-

конечными рядами серверных стоек. Воздух здесь был ощутимо прохладнее, его наполнял плотный гул насосов охлаждения и едва уловимый запах озона. Прямо над головами, переплетаясь со старыми балками бывшего завода, змеились толстые гофрированные трубы жидкостного охлаждения легендарного суперкомпьютера. Они вели к центру, где высилась монолитная черная стена куба, того самого Colossus One.

Эмбер повела его по узкому технологическому подиуму из рифленого железа, под которым в кабель-каналах пульсировали миллионы световых нитей — оптоволокно качало данные из облака и обратно. Ее массивные ботинки глухо стучали по металлу. Марк старался не отставать, краем глаза замечая редких сотрудников в таких же графитовых жилетах, беззвучно скользивших вдалеке.

В своем кабинете, когда они уже сели, Эмбер сделала вид, будто что-то ищет в компьютере. Потом повернулась к Марку:

— Хорошо, Марк. В общем-то, мы уже отобрали вас среди огромного количества претендентов.

«Огромного? Сомневаюсь, — подумал Марк. — Не с такой зарплатой стажера».

Эмбер слегка откинулась на спинку пластикового стула.

— Маленький тест. Ты сидишь в лодке, которая плавает в закрытом бассейне. С тобой на дне лежит тяжелая чугунная гиря. Ты берешь гирю и бросаешь за борт, на дно. Во-

прос: уровень воды в бассейне поднимется, опустится или останется прежним? У тебя сорок секунд. Время пошло.

Марк посмотрел на идущие над головой трубы охлаждения суперкомпьютера.

— Опустится, — спокойно ответил он.

— Почему? Гиря ведь вытеснит воду.

— Пока она в лодке, лодка погружается глубоко, выталкивая массу воды, эквивалентную весу гири, — Марк перевел взгляд на Эмбер. — Когда мы бросаем ее на дно, она вытесняет воду лишь в объеме собственного тела. Лодка поднимется, а общий уровень воды в бассейне — упадет.

Эмбер пару секунд молча смотрела на него. Диск на ее лбу снова мигнул.

— Ладно. MIT… Ясно. Ты принят на ночную смену.

Эмбер крутанулась на стуле в сторону окна и коснулась сенсора. Поверхность превратилась в огромный экран. Марк слегка прищурился — перед ним развернулась «Тепловая карта сна нации».

— Твоим рабочим местом будет консоль номер четыре. Я ночью покажу тебе, где это. Здесь, недалеко, — Эмбер кивнула на терминал под панелью. — Задача простая: следить за ночной диагностикой миллионов нейроимплантов. Мы не лезем в мысли, мы обеспечиваем стабильность «железа», пока люди спят. Самый пик начинается, когда в Нью-Йорке бьет два часа ночи. В этот момент стартует «Ночная синхронизация».

Она провела пальцем по воздуху, масштабируя карту. Мириады мерцающих точек сгруппировались в три плотные колонки графиков.

— Ты ночной дежурный по лунатикам. Главное — следить, чтобы все параметры были в зеленой зоне. Работа не слишком сложная, все трудное делает Grok. Поэтому и зарплата небольшая. Зато есть корпоративные плюшки. По средам можешь приходить со второй половины дня и заниматься своей научной работой. Можно кидать задачи на Colossus. Еще есть семинары в Бока-Чика. Ну, разберешься. Увидишь все в корпоративном расписании.

Эмбер повернулась к Марку и посмотрела ему прямо в глаза.

— И я тоже, — она легко коснулась пальцем точки у себя на лбу. — Доверяю себя тебе. Так что не проспи меня.

Марк бегло осмотрел интерфейс, оценивая объемы данных.

— А если Grok сбойнет? — спросил он.

Эмбер усмехнулась:

— Месяц стажировки, там тебе все подробно объяснят.

Она слегка наклонилась к столу и заговорщически подмигнула:

— Еще будут «пинг-кошмары» из-за потери пакетов на узлах связи и стандартный «слив кэша». Короче, скучно не будет. Твой контракт уже в твоем терминале. Подписывай, и жду тебя здесь в полночь.

Марк отлично знал эту технологию. Чип Neuralink отвечал за долговременную память и подключение к облаку, а золотой уровень давал возможность связываться напрямую друг с другом. Видели бы вы этих узкоспециализированных математиков и физиков в моменты совместного осмысления масштабных задач. Или членов совета директоров крупной корпорации за принятием судьбоносного решения.

Раньше чип устанавливали под кожу в районе затылка, откуда в разные отделы мозга тянулись золотые нити. Но это не обеспечивало должной синхронизации и скорости обмена данными. Теперь чип размещают прямо на лбу, чуть выше бровей. Существует три уровня имплантов: золотой, серебряный и бронзовый — в зависимости от целей и плотности входящего потока. От процессора в область «третьего глаза» тянется целый пучок пористых электродов. Только в Штатах чип вживили себе уже десятки миллионов носителей.

Ирония заключалась в том, что технологию пористых электродов придумал сам Марк для своего стартапа. Но проект лишили финансирования и закрыли, а за патент ему так ничего и не заплатили.

***

После собеседования Марк возвращался в Уайтхейвен. Он свернул к своему жилому комплексу — White Haven Apartments. Это была серая трехэтажная коробка из потемневшего от сырости кирпича, обнесенная сеткой-рабицей.

У самого входа в здание, на залитой дождями фанерной

доске объявлений, среди сорванных рекламных листков и предложений о быстрой подработке, Марк снова наткнулся на знакомое лицо. Десятилетняя Майя. Он вспомнил: когда он уходил на собеседование, это объявление наклеивала его симпатичная соседка.

— Привет. Как поживаете? — крикнул он ей с деланным оптимизмом нового жильца.

— Привет, — ответила она и подняла на него глаза с грустной улыбкой.

Тогда он мельком взглянул на объявление, смутился, натянуто улыбнулся и поспешил мимо.

Чертыхнувшись, Марк взлетел по скрипучей лестнице на второй этаж в свою студию и, даже не сняв куртку, подошел к ноутбуку. Он открыл браузер и вбил в строку поиска адрес крупнейшего благотворительного портала Штатов: gofundme.com, добавив имя девочки и район.

Страница загрузилась. Индикатор сбора средств едва дополз до пяти тысяч долларов. Из необходимых двух миллионов.

У малышки был врожденный порок, критическая дисфункция клапана. Обычные механические протезы теперь не ставили — девочка росла.

Единственным шансом была биоинженерия в Бостонском госпитале. В объявлении подробно расписывался протокол: ученые должны были вырастить живой клапан на специальном биоразлагаемом каркасе, используя собственный гене-

тический код Майи.

Операция планировалась малоинвазивной. Протез в свернутом виде должны были ввести через бедренную артерию и с помощью роботизированного транскатетерного манипулятора — доставить прямо в сердце, развернув его там, словно бутон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.